

ИМПЕРИАЛИЗМ КАК ФОРМАЦИОННЫЙ ФАКТОР ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНСОЛИДАЦИИ

А. ФЕНЕНКО

От миропорядка империй к имперскому миропорядку. Отв. ред. Ф. Г. ВОЙТОЛОВСКИЙ, П. А. ГУДЕВ, Э. Г. СОЛОВЬЕВ. Москва, Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2005, 204 с.

Рост интереса к рассматриваемой здесь проблематике - неотъемлемая черта общественной мысли 2000-х годов. С одной стороны, эта тенденция - дань политической конъюнктуры, но с другой - постановка проблемы теоретического изучения функционально-исторической роли, эволюции империй обусловлена непрерывным объективным развитием науки о международных отношениях: в течение XX в. накопился колоссальный, многоплановый эмпирический материал, который требует осмысления. Не случайно в США почти ежемесячно выходят работы по проблемам "Американской империи", а в России еще десять лет назад феномен "имперскости" стал предметом многочисленных дискуссий и обсуждений. Несмотря на поток литературы, посвященной этой теме, рецензируемая коллективная монография, изданная Научно-образовательным форумом по международным отношениям, представляет несомненный научный интерес. Она приглашает заинтересованного читателя по-новому взглянуть на ряд аспектов развития имперской формы организации политического пространства, ее функций по отношению к мировому развитию и устройству, а также задуматься о еще более широком круге "прилегающих" теоретических проблем.

Авторы с самого начала предупреждают, что не ставят перед собой цели написания обобщающей работы по истории империй или обзора и систематизации существующей теоретической литературы. Они подчеркивают, что, в первую очередь, стремятся изложить свой взгляд на изучаемый предмет, опробовать его методологическую эффективность на основе анализа некоторых исторических сюжетов и пригласить читателя к дискуссии. Во многом подобный подход определяет содержательно-структурный характер книги, выполненной в жанре очерков. Каждый из восьми очерков-глав представляет собой своего рода *case-study* - верификацию изложенных в подробном теоретическом Введении методологических построений на основе анализа сюжетов и проблем, которые привлекли внимание участников монографии и представляются им наиболее значимыми в плане составления целостной картины этапов мирового политического развития в XX в.

Исследователи исходят из того, что на протяжении второй половины XIX - начала XXI вв. имперский тип организации политического пространства играл ключевую роль в мировой политике, существенно при этом трансформируясь. В зависимости от того, какая именно форма ее макросубъектов являлась доминирующей и системообразующей в международно-политической системе на протяжении означенного периода, в монографии выделяются три этапа, которые имеют свою логику развития и внутреннюю хронологию. Каждому из них соответствует свой вариант организации миропорядка и тип господствующих в нем субъектов международных отношений.

Со второй половины XIX в. и до окончания Первой мировой войны (1918 - 1919 гг.) речь шла о соперничестве нескольких европейских империй как наиболее могущественных участников международно-политической жизни. Этот период в книге определяется как "миропорядок империй". Во второй половине XX в. старые колониальные империи распались, и на первое место вышло соперничество двух сверхдержав (возможно, зря авторы не обозначают их как "сверхимперии") - СССР и США, взявших на себя системообразующие функции по отношению ко всей системе международных отношений. Соответствующий этап получил в работе наименование "миропорядок сверхдержав".

Наконец, после окончания холодной войны, в 1990-е - 2000-е годы, происходит становление институтов глобального управления, которые во многом опираются на силовые, экономические и организационные ресурсы "единственной сверхдержавы" - США. Этот формирующийся постбиполярный миропорядок исследователи определяют как "имперский". Основанием для использования такого определения, по их мнению, может служить сходство многих его черт и структуры с внутренней организацией империй прошлого: существование мирового центра (метрополии) и периферии, единого экономического пространства и четко очерченной системы разделения труда; наличие глобальной иерархии государств и регионов мира, основанной на экономическом, научно-технологическом, военно-политическом превосходстве государств ядра системы над странами периферии; стремление США к формированию идеологически более однородного мира; использование ими и их союзниками военно-силовых средств для поддержания устойчивости и управляемости всей международно-политической системы. Развивая подобное видение, авторы приходят к выводу, что "внешняя политика Вашингтона... постепенно перестает быть - в классическом понимании - внешней политикой государства, пусть даже сверхдержавы, превращаясь в политику направленных глобальных воздействий на развитие миропорядка в целом" (с. 17). Они выступают против характерных для современной американской и западноевропейской политологической литературы прямых аналогий между современными США и "классическими империями" прошлого (как правило, речь идет о Римской и Британской империях), выстраивавших систему управления зависимыми пространством и политическими сообществами. Они подчеркивают, что подобное явление в мировой истории уникально.

Отталкиваясь от этой концепции, исследователи предлагают ряд интересных положений. Они подчеркивают, что не стремятся выработать универсальное для анализа каждого из трех периодов и миропорядков определение понятия "империя", но предлагают ряд взаимодополняющих операциональных дефиниций как "империи", так и "сверхдержавы". Причем, резонно предупреждают: при анализе различных этапов существования каждого из миропорядков такое определение может видоизменяться, сохраняя при этом общие существенные характеристики. С одной стороны, такая методологическая подвижность понятийного аппарата может вызвать скепсис у многих политологов, стремящихся к четкости и однозначности определений, но, с другой - она выглядит корректной с точки зрения соблюдения принципа историзма, характерного для отечественного системно-исторического направления науки о международных отношениях, с которым явно отождествляют себя участники монографии. Такой подход позволяет ученым использовать характеристики субъектов, доминирующих на каждом из этапов мирового политического развития и определявших его характер, в качестве аналитического инструментария для понимания существенных черт всех трех выделяемых ими миропорядков. Тем самым, монография в большей степени посвящена не столько анализу типов империй (этого почти не оговаривают сами авторы), сколько изучению сменившихся на протяжении последних полутора веков видов миропорядка и их организационно-политической структуры.

В книге предложена оригинальная типологизация империй, характерных для "миропорядка империй". Их, по мнению авторов, можно разделить на три большие группы: колониальные, континентальные и неформальные (с. 9 - 10). Колониальные (например, Британская империя) создавались на основе подчинения господствующей нацией "нецивилизованных" народов заморских колоний. Континентальные (наиболее ярким примером здесь выступала Российская империя XIX в.) строились на системе отношений "господствующая нация - национальная окраина" и управлялись в основном прямыми методами - военной мощью, культурной ассимиляцией и хозяйственным освоением окраин. При этом, правда, имело место и приспособление центра к местным традициям. Неформальные империи, первым и единственным примером которых, по мнению авторов, выступали в конце XIX - начале XX в. США, основаны на финансово-экономическом и дипломатическом подчинении суверенных государств. Такие империи управляются, преимущественно, косвенными методами - поддержанием благоприятных центру политических режимов и сохранением технологического и экономического лидерства в имперском ядре. Отдавая должное широте авторского замысла, нельзя, однако, не заметить, что эта схема - наиболее уязвимая часть работы. Не совсем ясен критерий, положенный в основу классификации. Методологически "неформальная" империя может быть противопоставлена только империи "формальной", но в предложенной схеме это понятие не описывает *характер отношений* между центром и провинциями и ставится в один ряд с категориями "континентальная" и "колониальная", которые указывают *принцип устройства* империи. Противопоставление "колониальных" и "континентальных" империй относится к исторически узкому промежутку времени: XVII в. - первая половина XX в. И хотя авторы оговаривают, что представленные ими теоретические обобщения применимы только к этому периоду, очевидна невозможность развития предложенной типологизации для анализа империй других эпох. Такой понятийный аппарат слишком "привязан" исторически.

Участники монографии разводят явление "империализма", которое они понимают как соответствующий тип идеологии и внешнеполитической практики государства, и сам феномен "империи", интерпретируемый ими исключительно как тип организации субъекта мировой политики. Империализм отождествляется в книге с рядом характеристик поведения субъекта мировой политики: 1) нацеленностью на расширение географических сфер деятельности торгового и промышленного капитала собственного центра - метрополии каждой из империй; 2) стремлением не допустить проникновения и продвижения в части мира, рассматриваемые как зоны собственных интересов и влияния, других империй - реальных и потенциальных конкурентов в борьбе за региональное господство; 3) необходимостью предотвращения и подавления (в том числе и силового) попыток зависимой периферии освободиться от экономического и военно-политического господства центра; 4) сформированным элитами каждой из империй идеологическим обоснованием распространения национального военно-политического могущества и культурного влияния (с. 7 - 8). В то же время авторы лишь частично воспроизводят характеристики империализма в звучащих в книге определениях понятия "империя", а в формулировке, выдвинутой в гл. 8, вовсе не обращаются к ним. Речь ведется лишь о том, что империя представляет собой правление, характеризующееся (1) господством одного политического сообщества над другими, (2) возможностью оказывать регулятивное воздействие на поведение подчиненных сообществ во внешнем мире и одновременно (3) способностью обеспечить максимально приемлемые формы политического поведения внутри границ подчиненных государственных образований (с. 190 - 191).

Исследователи попытались привязать эволюцию всех трех миропорядков и доминирующих в них субъектов к глобальным социально-экономическим процессам. Трансформация империй в XIX-XX вв. вызвана, по их мнению, процессом движения капиталистической формации:

"Развитие империй как доминирующего в системе международных отношений политико-организационного типа было тесно связано с эволюцией капиталистического способа производства и его интернационализацией - выходом за рамки очагов формирования через интенсификацию и качественное усложнение международных экономических отношений, выстраивание мировой экономической системы" (с. 7). Аналогично, по мнению авторов, в начале XXI в. развитие транснационального капитала создает запрос на единое, регулируемое на наднациональном уровне экономическое и политическое пространство, объективной формой которого и выступает конструируемый США "имперский миропорядок" (с. 14). Напрашивается так и не сформулированный в книге вывод о том, что развитие капитализма содержит потенциал, объективно работающий на рост популярности имперских проектов.

Это наблюдение хорошо согласуется с выводами таких известных историков-социологов, как Ф. Бродель и И. Валлерстайн, которые доказали, что формирование капитализма придало новый импульс созданию колониальных империй. Во-первых, развитие промышленности рождает спрос на источники сырья. Во-вторых, сама система торгового капитализма предполагала контроль таких мировых "посредников", как Великобритания и Нидерланды, над перекрестками морских торговых путей, что опять-таки усиливало их экспансию в других регионах. Проблема лишь в том, что империи, как уже отмечалось, существовали задолго до появления даже мануфактурного капитализма. Древний Египет, античный Рим и средневековая Священная Римская империя основывались на аграрном обществе, не ориентированном ни на систему торгового импорта, ни, тем более, на индустриальное производство. Другие древние империи (Китайская, Монгольская, Франкская) существовали за счет сбора дани с подчиненных территорий. Похоже, что капитализм дал импульс к развитию лишь *одного типа* империй, но его развитие не тождественно развитию имперских форм организации вообще.

Авторы попытались переосмыслить роль имперского компонента в структуре современного миропорядка. Соединенные Штаты пытаются взять на себя роль "верховного арбитра" международных отношений и даже "глобального распространителя" демократических ценностей (с. 170, 186). Вместе с тем, окончательному оформлению "имперского миропорядка" препятствует ряд тенденций. Прежде всего, неизбежно возникает вопрос о критериях демократии, что резко усложняет общую картину "принудительной демократизации" (с. 163): ее результаты могут оказаться отнюдь не теми, на которые рассчитывали заокеанские идеологи концепции "расширения демократии". Не случайно в последних главах книги исследователи немало обращаются к концепции "нелиберальной демократии" известного американского исследователя Ф. Закарии, утверждающего, что ряд азиатских обществ усвоил лишь внешние институты выборной демократии, сохранив под их оболочкой свою традиционную социальную структуру. Кроме того, сами США еще "не доросли" до уровня полноценной глобальной империи и, возможно, не стремятся стать таковой. Америка (особенно при Буше-младшем) во многом еще остается национальным государством, последовательно отстаивающим собственные, а не глобальные, интересы, - это признают и сами авторы монографии (с. 193 - 194). А такое противоречие резко увеличивает и без того немалый потенциал международной конфликтности. Считать ли антитеррористические операции США в Афганистане и Ираке акциями по защите формирующегося миропорядка, или Америка, подобно всем предшествующим империям, просто отстаивает свои интересы (прежде всего - энергетические) в регионе "Большого Ближнего Востока"? Однозначного ответа на этот вопрос в книге нет.

Исследователи изначально ограничили свою работу исключительно англосаксонскими сюжетами - анализом развития "имперских" тенденций в Великобритании и США. Из восьми глав шесть полностью посвящены американской и британской проблематике, и только две оставшиеся ("Либеральный универсализм начала XX века и создание Лиги Наций" и "Сверхдержавы на обломках империй и локальные конфликты") отчасти затрагивают проблемы развития западноевропейских государств и Советского Союза. Такой подход имеет основания. На протяжении как XIX-го, так и XX-го веков Британская империя и Соединенные Штаты были ведущими экономическими и даже военно-политическими державами мира, что делает их имперские проекты особенно интересными для специалистов. Но отказ от анализа неанглосаксонских империй существенно сузил эмпирический горизонт работы. За рамками исследования остались два интересных вопроса: 1) почему именно англосаксам удалось реализовать наиболее успешные имперские проекты в XIX-XX вв. и 2) почему другим империям не удалось реализовать альтернативные универсалистские проекты? Отсюда и возникла парадоксальная картина: заключения авторов верны, но только - применительно к американскому и британскому историческому опыту. В таком контексте огромный интерес мог бы вызвать сравнительный анализ истории Великобритании и США с имперским опытом Германии, поскольку последняя предстает перед нами как интересный пример *несостоявшейся* империи. С 1871 по 1918 гг. немецкий кайзер носил титул императора, однако его власть (за исключением нескольких островов Океании и малонаселенных районов Африки или смешанных областей - Эльзаса-Лотарингии и Силезии) никогда не простиралась на ненемецкие территории. Позднее, в ходе Второй мировой войны 1939 - 1945 гг. Германия предприняла попытку создать собственную империю в Европе (достаточно вспомнить само название - Третий рейх). Однако методом для этого стал геноцид других этносов, что в случае успеха превращало будущую империю (или сверхдержаву?) в непомерно разросшееся национальное и даже моноэтническое государство. Сравнивая эти события с опытом США, можно задаться вопросом: не существуют ли государства, в силу каких-то причин *предрасположенные* и, напротив, *непредрасположенные* стать империей?

Понятийный аппарат анализа имперской проблематики, сформированный в XVIII-XX вв., все менее соответствует современным реалиям. В его основе лежат наработки французских мыслителей рубежа XVIII-XIX вв., с их специфической завязкой на национальную проблематику. Именно французы - от просветителей до консерваторов-традиционалистов - предложили остальному миру свой дискурс понимания нации как двуединства концепции народного представительства и романтических представлений об "иррациональной общности" на основе языка и крови. В таком контексте империя выступает или как донациональная общность, в которой этносы постепенно превращаются в народности или нации, или как сверхнациональное образование, основанное на объединении (не важно - силовом или добровольном) нескольких национальных государств. Однако оба варианта основываются на безусловном приоритете национального государства как своего рода "квинтэссенции" исторического развития. Рецензируемая монография доказывает, что период такой трактовки империй постепенно уходит в прошлое. Авторы не случайно упоминают, что основное препятствие к созданию полноценной "Американской империи" лежит в "слишком национальном" характере политических институтов и внешнеполитической стратегии США. К такому же выводу склоняются и цитируемые в книге американские исследователи. В эпоху реабилитации "имперской" проблематики национальное государство (а следовательно, и национальный суверенитет) перестают восприниматься как исходная точка для оценки эффективности государственного образования.

Представленные замечания, разумеется, отнюдь не умаляют научно-творческого успеха

участников монографии. По сути, речь идет фактически о первой попытке российских ученых написать книгу, рассматривающую одновременно проблематику и собственно империй, и - что важно - смены миропорядков не столько в историческом, сколько в политологическом аспекте. Некоторые методологические лакуны и терминологическая неоднозначность в ней симптоматичны в том смысле, что они продиктованы неразвитостью самого этого направления теории и истории международных отношений, причем, не только российской, но и мировой. В данном ключе рецензируемую работу можно считать смелой и, по многим параметрам, - продуктивной попыткой найти новые подходы и инструменты политологического анализа.